

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПАНОРАМА

Забывтая мелодия

ЭЛЕН
АЛЕКС

16+

Элен Алекс
Забытая мелодия

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Элен Алекс

Забытая мелодия / Элен Алекс — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Лиз Роуз — прекрасная танцовщица, которая ни дня не может прожить без своих танцев. Она счастлива, любима, и у нее скоро свадьба. Но в один день все меняется: ее жених попадает в аварию, посвященную Лиз мелодию крадут чужие люди, и, кажется, она больше не сможет танцевать. Много испытаний выпадет Лиз, прежде чем она вновь будет счастлива...

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Часть 1

Что бы вы могли самому себе рассказать о человеке, которого больше нет в вашей жизни? Что он любил вас так, как не полюбит больше никто и никогда? Что он собирался прожить с вами долгую и счастливую жизнь и умереть в один день? Что имя у него было мягкое и нежное, как морская волна, а руки сильные и надежные, как прибрежные скалы? И что лишь забытая мелодия теперь напомнит вам о нем?

Все случилось не так уж и давно, и эту историю вам с удовольствием поведают местные старожилы. И каждый из них совсем немного приврет именно в том месте, где судить-то как раз надо будет вам самим. Произошло это в нашем городе, а то, что эту историю разнесли, в конце концов, по всему округу, так вы же сами знаете, что нашим людям только подавай что-нибудь эдакое...

Меня зовут Денни, и мы познакомимся немного позже. Мы познакомимся немного позже, но одно я могу сказать сейчас. Я был участником этой на шумевшей истории.

Ну не прямым участником, конечно, а косвенным. Но если вы решите узнать всю правду из первых уст, а также, в конце концов, разобраться, кто прав и кто не прав, то я охотно поделюсь с вами своим собственным мнением.

А если и после этой истории все ваши теории о любви, верности и предательстве все так же будут висеть в воздухе, как безответные воздушные шарики, то уж тогда я, право, и не знаю, что я могу вам еще сказать.

Ну хорошо, начну по порядку. Начну с того рокового дня. Я о Майкле и Лиз, вы, конечно же, догадались...

Майкл был неплохим музыкантом, хотя его уже мало кто помнит. Среди знатоков до сих пор ходят споры, принадлежит ли ему наша знаменитая «Забытая мелодия», и многие сходятся на том, что это действительно его произведение.

Но Лиз так и не удалось этого доказать, она мало что понимает в нотах, нотных рядах и музыкальном соответствии. А все черновики Майкла с тех пор как в воду канули. А те парни, которые, как убеждена Лиз, присвоили себе авторство этой прекрасной музыки, так до сих пор и не раскололись.

Лиз все знали как прекрасную танцовщицу, но она тоже больше уже не танцует. А как она танцевала, мой бог, ее часто показывали по телевизору.

Ее танцы были своеобразны, да и места выступлений отличались оригинальностью. В последнее время она танцевала в ночных клубах, но что это были за танцы, сами Музы, должно быть, аплодировали ей.

Лиз не нужно было даже расстегивать верхнюю пуговицу у своего платья, и к концу третьего часа выступления она была, не поверите, полностью одетой. Животная страсть и неумеренная энергия разили вас наповал даже сквозь ее сценический костюм. А все остальное неугомонной публике было позволено сколько угодно надумывать самой.

Правда, я в такие места никогда не ходил, но видел ее танцы по первому каналу. У меня до сих пор где-то лежат несколько кассет с записями ее танцев, я смотрю их, когда мне становится особенно грустно.

Так вот, о Лиз и о Майкле.

Тот день не предвещал ничего особенного и необычного. Правда, с утра светило солнце, что довольно нечасто бывает в нашем северном городе.

Потому что, если вы встанете лицом на северо-запад и посмотрите во-о-он туда, в ту сторону, куда я сейчас показываю пальцем, то увидите там снежные вершины. Они растворяются где-то там, у самого горизонта, но до них всего каких-то пятьдесят миль.

Да, у нас прохладно, раз уж снег так близко и лежит всего в двух с половиной часах от города. Только ехать туда надо на хорошей машине, а то непременно застрянете. Горная дорога, знаете ли, сэр, она непредсказуема.

Но если вы развернетесь и посмотрите туда, куда я показываю пальцем теперь, на юго-запад, то знайте, что в той стороне находится уже побережье. Правда, его вы с этого места, где мы сейчас с вами стоим, ни за что не увидите, как ни старайтесь, сэр.

Его отсюда не увидеть, но знайте, что до побережья от нашего города часа три езды, не более. Даже если вы поедете туда на самом паршивом автомобиле допотопной сборки.

Так что у нас не очень прохладный город, нет. И летом у нас бывает даже очень жарко. Так жарко, что часто в приличных домах ломаются кондиционеры.

Я знаю об этом так хорошо, потому что мой друг работал как раз в то время в мастерской по ремонту кондиционеров и обогревателей. И за несколько дней до того, как у Майкла и Лиз все в жизни так перевернулось, мы как раз принесли им новый, смонтированный под заказ кондиционер.

Майкл открыл входную дверь своей квартиры и очень удивился, увидев нас на пороге.

– О, мой бог, что это?! – воскликнул Майкл, так сильно он удивился, ведь он вовсе не просил нас немедленно тащить к нему этот кондиционер.

А мы вручили Майклу чек и всюю пытались увидеть Лиз.

– Вот, пожалуйста, – вежливо говорили мы Майклу, – получите, пожалуйста, свой кондиционер.

Но Лиз была в другой комнате, а может, даже в ванной, мы слышали, как она напевала сама себе что-то забавное. Но к нам она не вышла, зачем ей это?

По квартире были разбросаны ее платья, в которых она так превосходно танцевала во всяких сомнительных заведениях, а в воздухе стоял тончайший аромат ее дорогих духов.

А Майкл сказал нам, что мы зря принесли сюда кондиционер, мы слишком поторопились. Ведь у них с Лиз через несколько дней свадьба, и они переезжают на другую квартиру. И он как раз собирался передать в мастерскую адрес новой квартиры. А теперь ему придется волоочь туда чуть ли не на собственном горбу еще и кондиционер.

Посреди комнаты стоял белый рояль Майкла, я уже говорил, что он был классным музыкантом. «Счастье где-то здесь» – это ведь тоже его произведение, а это очень сильная музыка, она так и брала вас за душу, когда первый канал прощался со своими телезрителями на ночь.

Но сейчас на белом рояле Майкла лежали серебристые платья Лиз, и нас с моим другом это очень волновало. И мы стали наперебой говорить Майклу, что мы сами с большим удовольствием перетащим его кондиционер на новую квартиру, ведь это по нашей вине на него свалились такие новые хлопоты.

– Мы сами перенесем этот ваш кондиционер на вашу новую квартиру, нам совершенно ничего не стоит перенести туда ваш кондиционер, – говорили мы Майклу.

Но Майкл только сухо сказал нам, что он премного благодарен и что счет он оплатит на этой неделе.

А мы, конечно, побоялись, что он заподозрит нас в излишней любви к своей Лиз, мы и так проявили слишком много прыти. Поэтому мы не стали больше настаивать, а поспешили откланяться, нелепо пятась к двери и извиняясь.

А Лиз к нам так и не вышла, зачем ей это? Но когда мы возвращались обратно в мастерскую, нам казалось, что теперь все улицы, деревья и дома пахнут ее тонкими дорогими духами.

А Эдди, это мой друг, я забыл его представить, всю дорогу до мастерской переживал, что нам не удалось увидеть Лиз... А я думал, что он зря так переживает. Ну прямо как ребенок, мечтающий о шоколадной конфете в роскошной упаковке.

Ведь Лиз это не конфета, и неже о ней так думать, особенно если ты уже достаточно взрослый и самостоятельный мужчина, хотя по тебе это вряд ли заметно. Это я о нас с Эдди.

Лиз – это нечто особенное, о чем таким маленьким людям, как мы, не приходится мечтать даже во сне. Лиз – это луч солнца, который озаряет жизнь только одного человека, и только раз в сто лет.

И этим человеком был Майкл.

Но я слишком уж увлекся собственной персоной, а мне давно пора бы перейти к нашим главным героям. Героям, о любви которых до сих пор ходят легенды. И еще ни одному местному сплетнику не удалось перевернуть эту историю так, как будто бы любовь между Майклом и Лиз занимает в ней далеко не первое место.

Я вам уже говорил, что они мало что соображают в этом. А уж кто знает все совершенно точно, так это я, Денни Валентино.

Я живу вот здесь, за углом. И если вы зайдете ко мне домой, то я налью вам терпкого мартина в большой фужер, чтобы хватило на весь вечер, и поведаю о том, о чем знаю наверняка.

Ведь именно мне доверила эту историю наша Лиз.

В тот роковой день с утра светило солнце, и людям казалось, что они счастливы. Я прекрасно помню, как работа спорилась в этот день, и я починил много обуви, я не рассказывал разве, что я сапожник?

Да, и отец мой был сапожник, и дед мой тоже был сапожник. Правда, они еще помимо этого были отпетыми ловеласами, не пропускали ни одной юбки, но я по этой части пошел явно не в них.

Но я о солнце, а когда светит солнце, то особенно хочется жить. И именно в этот день Майкл завершил свою «Забытую мелодию».

Она ему тяжело далась, ему казалось, что эта музыка потихоньку вытягивает из него душу.

Он писал ее для Лиз, этой суматошной девчонки, которая мало верила в его любовь. Она верила в свои танцы, в море, в законы взаимозаменяемости и теорию относительности.

Майкл никак не мог заставить ее перестать танцевать во всяких сомнительных заведениях. Он не мог поверить, что еще кто-либо, кроме него, способен оценить ее прекрасные танцы.

Но Лиз не могла не танцевать. Так же, как Майкл не мог не писать свою музыку.

А Майкл писал замечательную музыку. Я думаю, он и сам это понял в то утро, когда завершил свою «Забытую мелодию».

Он оставил партитуру в студии, как и обещал тем парням из оркестра. А они должны были как следует ее подрепетировать к послезавтрашнему дню, дню бракосочетания Майкла и Лиз.

Это был его подарок Лиз. Майкл хотел, чтобы эту музыку играли на свадьбе, хотя вряд ли кто, кроме Лиз, обратит на нее свое внимание. Ведь на свадьбу люди обычно ходят только для того, чтобы посмотреть, как одета невеста, и посчитать, сколько камушков на ее кольце. А что там такого необычного играет оркестр, никто даже и не поймет.

Но Лиз это поймет наверняка. Она, как только услышит эту мелодию, сразу ее узнает. Она сразу поймет, что это именно то, что хотел подарить ей Майкл.

А нас с Эдди никто на эту свадьбу не приглашал. Но мы все равно обязательно пойдем на нее только для того, чтобы постоять в толпе зевак и посмотреть, как прекрасна будет наша Лиз в фате и белом платье.

А в церковь нас не пустят. Майкл и не вспомнит, что это именно мы с Эдди принесли ему на днях кондиционер. Так что ж теперь, приглашать нас на свадьбу?

И с Лиз мы тоже лично не знакомы, хотя нам довольно часто удавалось попадаться ей на глаза, когда она приезжала поздно вечером в свой клуб на работу. А мимо дверей этого клуба как раз, не спеша, проходили мы с Эдди по своим делам.

Но вряд ли мы с Эдди могли запасть в душу такой роскошной девушке, как Лиз.

Так вот, Майкл дописал свою мелодию и оставил ее в студии. А днем туда должны были прийти те парни из оркестра и начать репетицию. Этим парням можно было доверять, они были профессиональные музыканты и ценили хорошую музыку. И все последние вещи Майкла, которые так часто транслировал первый канал, исполняли тоже они.

Майкл вышел на улицу и только там заметил, что день был солнечный и теплый, а он этого и не знал.

Ведь он приехал в студию на рассвете, когда Лиз еще спала, а из него уже рвались последние аккорды «Забывтой мелодии». Но свой рояль Майкл уже перевез на новую квартиру, куда они с Лиз должны будут переехать после свадьбы.

Так вот, именно потому, что у Майкла не было под рукой рояля, ему и пришлось рано утром ехать в студию. А еще он прихватил с собой все свои черновики, запомните, это очень важно.

И когда он дописал мелодию и вышел на улицу, то все его черновики остались в студии. Но туда не мог пробраться никто из посторонних, потому что студия была арендована композитором Майклом Гордоном и ребятами из оркестра. А конец аренды истекал только через два дня, и потому Майклу нечего было волноваться, что в студию кто-то зайдет и украдет все его ноты. Такого в нашем городе еще никогда не было.

Майкл сел на свой мотоцикл и поехал домой. Ему казалось, что сегодня самый счастливый день в его жизни, и этот день только начинался.

Солнце заливало улицы и деревья. Дома его ждала Лиз, а через два дня они будут на побережье. Жизнь была прекрасна и удивительна, и все в ней было так, как они с Лиз и планировали.

И если бы кто-нибудь сейчас сказал Майклу, что сегодня вечером произойдет событие, которое все в этой жизни так перевернет, то Майкл бы ему ни за что не поверил.

Майкл и Лиз снимали небольшую, но уютную квартиру неподалеку от центра. А город у нас не такой уж и маленький, и нелегко ездить на мотоцикле по его оживленным трассам, гораздо проще добираться на метро.

Но Майкл обожал свой мотоцикл.

Когда Майкл подъехал к дому, он увидел, что бабки уже организовали прямо на улице маленький базар. И у них можно было купить изумительные горные цветы.

Майкл отогнал мотоцикл в гараж, а потом зашел в магазин и купил хлеба и булок к завтраку. А потом он купил целую корзину горных цветов, бабки обалдели от счастья, теперь им не придется торчать тут целый день.

Майкл поднялся на лифте на свой этаж и открыл ключом входную дверь.

Квартира, которую снимали Майкл и Лиз, была небольшая, но очень уютная. В ней было всего две комнаты и кухня. Но зато в ней был очень большой балкон, с которого можно было наблюдать по вечерам за светящимся городом и звездами на небе.

Лиз еще спала, и в квартире уютно пахло ее духами. Майкл зашел в спальню и поставил корзину с цветами возле кровати.

Затем Майкл прошел на кухню и налил в стакан холодной воды. Из кухни была видна спальня... и Лиз, спящая на кровати. Майкл вернулся и поставил стакан с водой на тумбочку.

Потом Майкл снял свою куртку и бросил ее в кресло. А потом он стал открывать в комнатах шторы, и солнце залило всю квартиру.

Лиз проснулась, солнце слепило глаза, и ей не хотелось еще вставать. Она перевернулась на бок, потом на другой, а потом свалилась с кровати прямо в огромную корзину с цветами.

– О, Майкл! – закричала Лиз. – Это же настоящие горные цветы!

Майкл подошел к Лиз, поднял ее и положил обратно на кровать. А Лиз умудрилась захватить с собой побольше цветов.

Лиз лежала на кровати, прижав к себе цветы, это было здорово. Майкл наклонился и поцеловал ее.

– Как дела? – спросил Майкл.

Лиз взяла с тумбочки стакан и выпила всю воду.

– Забыла тебе вчера сказать, – она посмотрела на Майкла, – Николя переманивает меня к себе на работу.

– Николя? – расстроился Майкл. – Но его клуб работает до самого утра.

– Да, – пожалала плечами Лиз, – но зато там больше платят.

– Лиз, но ты и так очень устаешь, хотя танцуешь всего до двух ночи.

Майкл сел на пол рядом с кроватью.

– Вот именно, – сказала Лиз, – я же не работаю, я танцую.

– Но это твоя работа, – возразил Майкл.

– Нет, это не моя работа, это мое развлечение.

– А что же тогда твоя работа? – удивился Майкл.

– Моя основная работа – выносить твое занудство.

– Неужели я такой зануда? – огорчился Майкл.

– Да, ты самая большая зануда в моей жизни.

– Глупая, – улыбнулся Майкл, – я самое большое счастье в твоей жизни.

– О, – возмутилась Лиз, – да ты к тому же весьма самоуверенная зануда.

– Как ты разговариваешь со своим будущим мужем?

Лиз улыбнулась и отвернулась к стенке. Майклу тут же стало без нее скучно.

– Лиз, мы не договорили.

Он потянул на себя ее одеяло.

– О чем? – повернулась к нему Лиз.

– О твоей работе.

Майкл встал с пола.

– И что ты собираешься сообщить мне о моей работе?

Лиз присела на кровати.

– Я собираюсь тебе сообщить, что ты не можешь танцевать до пяти утра.

Майкл тоже сел на кровать.

– Откуда тебе известны возможности моего организма? – спросила Лиз.

– Представь себе, – ответил Майкл, – я их очень тонко чувствую.

– С каких это пор?

Лиз потянула его за рубашку.

– Со дня нашей первой встречи.

Майкл поцеловал Лиз в лоб.

– И как это тебе удастся?

Лиз подставила ему губы.

– Очень легко, леди. – Майкл поцеловал ее в губы. – Ведь со дня нашей первой встречи ваш организм стал бесценной частью моего организма. – Майкл стал расстегивать свою рубашку. – Ваше тело, – Лиз стала помогать ему расстегивать рубашку, – стало продолжением моего тела. – Им надоело расстегивать его рубашку, и Майкл снял ее через голову. – А ваша душа, – Майкл нежно-нежно обнял свою Лиз, – продолжением моей души.

Рядом с кроватью стояла огромная корзина горных цветов, от которых исходил тончайший аромат горных елей, леса после дождя и нежных капель утренней росы. Солнце за окном и голубое небо наблюдали за Майклом и Лиз.

Весь город знал, что прекрасная танцовщица выходит замуж за великолепного музыканта. И людям казалось, что предела счастью и совершенству в этом мире действительно нет.

Через два дня будет их свадьба, и это будет временем больших перемен. Они уже не смогут оставаться теми же ветренными Майклом и Лиз.

Это будут уже совсем другие, взрослые и солидные люди, и многое в своей жизни они должны будут делать по-другому. Они, например, уже никогда не сядут просто так на мотоцикл и не проедут с ветерком по городу. О нет.

По выходным они будут ходить в оперу. А остальными вечерами сидеть у камина и вспоминать свою бурную молодость.

Почему-то супружеская жизнь казалась именно таким скучным представлением, в котором все роли уже давно расписаны и отрепетированы. И Майклу и Лиз оставалось только, как старые костюмы, примерить эти роли на себя.

Но Лиз не собиралась расставаться со своими танцами, она не представляла себе жизнь без них. Она не знала, куда можно будет деть всю ту энергию, которая ежесекундно сжигала ее изнутри.

Танцы были образом жизни Лиз, и ничего поделаться с этим она не могла. И ей всего лишь оставалось мягко подготовить Майкла к тому, что она уже подписала контракт на год в самом престижном клубе города у Николая.

– Майкл, – сказала Лиз Майклу, когда тот вышел из ванной, – я, конечно, очень ценю твой романтизм, но если ты не разрешишь мне танцевать в клубе у Николая, то я уйду от тебя.

– Лиз, – сказал Майкл, – неужели ты сможешь уйти от меня из-за каких-то там танцев?

– Майкл, танцы – это моя жизнь.

– Да? – удивился Майкл, – а мне казалось, что твоя жизнь это нечто иное.

– Что, например?

– Ну, – Майкл немного подумал, – например, солнце, небо, море, цветы, деревья, облака.

– Да, – сказала Лиз, – а также морские впадины, подводные течения, снежные бури и азотнокислые дожди.

Майкл выразительно похлопал в ладоши.

– Лиз, ты никогда не разучишься быть циничной.

– Нет, Майкл, – вздохнула Лиз, – это ты никогда не научишься меня понимать.

Лиз взяла полотенце и направилась в ванную комнату. Майкл пошел следом за ней.

– Лиз, – сказал он, – а что я должен понять?

В ванной мягко шелестела вода, и силуэт Лиз был еле различим сквозь полупрозрачную штору.

– То, что я только что тебе сказала, – ответила Лиз из-за шторы.

– А что ты мне только что сказала, Лиз? Ты так много всего говорила.

– А я тебе сказала, Майкл, нечто важное.

Лиз подняла ладони, и вода стекала по ее рукам. Ей было уютно и хорошо.

– И что же это важное, Лиз?

– А то, – надулась Лиз, – что если ты не можешь отличить важное от неважного для меня, значит, ты меня совсем не любишь.

– Зачем ты говоришь такие слова, Лиз, ты же знаешь, как я тебя люблю.

– Да, ты очень часто мне об этом говоришь. Просто я не хочу, чтобы ты об этом забывала, – пожал плечами Майкл.

Лиз протянула руку и достала полотенце.

– И когда я об этом забывала?

Лиз обернулась полотенцем и отодвинула штору.

– Ну вот сейчас, например.

Майкл помог ей выйти из ванны.

– Сейчас, – спросила Лиз, – сию минуту?

– Нет, чуть раньше.

– А что было чуть раньше?

– Ты сказала, что уйдешь от меня.

– А тебе кажется, что это никогда не сможет произойти?

– Мне кажется, нет.

– Почему? – улыбнулась Лиз.

– Потому что ты так привыкла быть любимой мной.

– Что, – удивилась Лиз, – привыкла быть любимой тобой?

– Да, – сказал Майкл.

Лиз направилась в комнату.

– И ты уверен, что именно по этой причине я не уйду от тебя?

– Ну... я не совсем уверен, – Майкл пошел следом за Лиз, – но я надеюсь.

– А-а-а, – сказала Лиз, – оказывается, все еще не столь безысходно.

– Я просто думаю, что тебя вряд ли кто-нибудь будет любить так, как я.

– Ты этим хочешь сказать, что я не смогу привлечь еще чье-то внимание?

– Почему же, я прекрасно знаю, сколько у тебя в этом клубе поклонников.

– Ты боишься, что у Николя их будет еще больше?

– Нет, не боюсь. Все равно тебя никто и никогда не будет любить так, как я.

– А как ты меня любишь? – поинтересовалась Лиз.

– Я не знаю, как объяснить это словами.

– Попробуй, – попросила Лиз.

– Не смогу.

– А ты написал мне письмо? – вспомнила Лиз.

– Я сегодня был занят, – сказал Майкл.

Он наблюдал за Лиз, на ней из одежды было только полотенце.

– И чем ты занимался?

Лиз подошла к платяному шкафу и стала изучать свою одежду.

– Я записывал мелодию.

– Записывал мелодию... разве ты ее уже закончил?

– Я этого не говорил.

– Говорил, Майкл, ты же сам и проговорился.

Лиз выбрала белое длинное платье.

– Когда это я проговорился? – удивился Майкл.

– Только что.

Лиз ушла в другую комнату.

– И что я сказал?! – крикнул ей Майкл.

– Ты сказал, что записывал мелодию.

– Но я каждый день записываю мелодии, – пожал плечами Майкл, – почему ты решила, что это именно последняя моя мелодия?

– Я почувствовала.

Лиз появилась в дверном проеме в длинном белом платье.

Майкл сдался:

– Хорошо, Лиз, она готова, но я хотел, чтобы ты услышала ее в день нашей свадьбы.

– Наша свадьба послезавтра, – сказала Лиз.

– Я об этом не забыл.

– А мелодию я хотела бы услышать сейчас же.

– Сию секунду?

- Сию секунду.
- Ты, как всегда, спешишь жить, Лиз.
- А когда же нам еще жить, если не сейчас?
- Ну... для жизни нам еще предоставлено много дней.
- Сколько?
- Очень много, поверь.
- А ты оптимист, Майкл.
- Нет, я просто самый счастливый человек.
- Тогда ты должен непременно напеть мне свою мелодию.
- Но я не могу напевать свои мелодии.
- Ты не можешь напеть своей любимой девушке посвященную ей же мелодию?
- К сожалению.
- Тогда расскажи мне ее.
- Как ты себе это представляешь?
- Очень просто, ты раскрываешь рот и рассказываешь мне, о чем это таком важном повествует эта твоя несравненная мелодия.
- В моей мелодии нет ничего такого особенного, она проста, как мир.
- И о чем же она?
- Она о любви.
- И все?
- И все.
- И как же это тебе удалось написать такую простую мелодию?
- Ты же знаешь, Лиз, мне это далось очень нелегко.

Лиз посмотрела в уставшие глаза Майкла и не стала больше ни о чем его спрашивать. Она и так прекрасно знала, как тяжело давались ему все его произведения. Майкл вкладывал в них по частичкам свою жизнь.

Лиз пошла на кухню готовить завтрак. Она достала из холодильника все, что было, на бутерброды. Майкл пришел на кухню вслед за Лиз.

- Лиз, – сказал Майкл, – мы еще не окончили наш разговор.
  - Ты о чем? – беззаботно спросила Лиз.
  - Я не хочу, чтобы ты танцевала в клубе у Николя.
  - А, ты опять об этом, – равнодушно сказала Лиз и стала делать бутерброды.
  - Да, – повторил Майкл, – я не хочу, чтобы моя жена танцевала в ночном клубе.
  - Может, ты хочешь, чтобы я вообще не танцевала?
  - Нет, Лиз, я прекрасно понимаю, что для тебя значат танцы, но меня всерьез беспокоит твое здоровье.
  - И что тебя беспокоит в моем здоровье?
  - Твои обмороки.
- Майкл приготовил кофе.
- А-а-а, – сказала Лиз.
  - Что – а-а-а? – возмутился Майкл. – Ты была у врача, что они значат?
  - Я была у врача, – спокойно сказала Лиз, – он понятия не имеет, что значат мои обмороки.

- Тогда какой же он, к черту, врач? – поинтересовался Майкл.
- Хороший, добрый, внимательный, отец троих детей.
- Поздравляю, Лиз, ты опять ушла от разговора.

Майкл сел за стол.

- И заметь, Майкл, мне все труднее и труднее это удается, своими заботами ты загоняешь меня в угол.

Лиз подвинула поближе к Майклу тарелку с бутербродами.

– А кто же, кроме меня, черт возьми, должен заботиться о твоём здоровье? – удивился

Майкл.

– Майкл, я знаю, почему у меня эти обмороки.

– Почему?

– Потому что я давно не была на море, – улыбнулась Лиз.

– И только-то?

– Ты же знаешь, что я не могу без него жить.

– Так море или танцы?

– И танцы, и море.

– Ты меня убиваешь, – сказал Майкл.

– Тогда напой мне свою мелодию, – не растерялась Лиз.

– Ты опять? – грустно спросил Майкл.

– Да, и на этот раз я не отстану.

– Хорошо, – улыбнулся Майкл, – уговорила, я тебе ее расскажу, только не перебивай меня. Правда, я плохо представляю себе, как это делать.

– Хочешь, помогу тебе, – предложила Лиз.

– Нет, подожди, я сам, – сказал Майкл и надолго замолчал.

– О чем ты думал, когда ее писал? – осторожно спросила Лиз.

– О тебе.

– И что ты обо мне думал?

– Я думал, как передать в музыке тебя, твои мысли, твою суть, твои желания, – тихо сказал Майкл. – Я хотел передать мои чувства к тебе...

Майкл опять надолго замолчал.

– Майкл.

– Вот видишь, я запутался.

– Извини, Майкл, это была не лучшая из моих идей.

– Нет, это была не плохая идея, просто у меня ничего не получилось. Одно только я знаю точно, Лиз. Мне кажется, что, где бы ты ни услышала эту мелодию, ты сразу поймешь, что это она и есть.

– Майкл, – удивилась Лиз, – где же я могу ее без тебя услышать?

– Ну... мало ли, – улыбнулся Майкл. – Мне кажется, – продолжил он, – что ты сразу ее узнаешь. Она тебе напомнит тебя. Она напомнит тебе твои мысли, поступки, желания. Она напомнит тебе детство, море и белый снег. Тебе покажется, что ты ее уже слышала. Она напомнит тебе забытую мелодию, которая уже когда-то пришла в твою жизнь, и теперь тебе осталось ее только вспомнить.

– Майкл, – тихо сказала Лиз, – спасибо тебе, но неужели ты и правда меня так любишь?

– Мне ничего не стоит любить тебя, Лиз, для меня это так же естественно, как жить.

– А что ты будешь делать, когда я умру?

– О, Лиз, ты опять за свое!

Майкл вышел из-за стола и направился в комнату. Лиз пошла следом за ним.

– Скажи, Майкл, я хочу знать.

– Лиз, перестань доводить меня глупыми разговорами.

Майкл взял с письменного стола какие-то документы и сложил их в свою папку с бумагами.

– Майкл, разговоры о смерти не так уж и глупы. – Лиз протиснулась между Майклом и столом.

Майкл улыбнулся и обнял ее.

– Лиз, – сказал он, – через два дня мы будем на побережье. Ты отдохнешь от города. У нас все будет хорошо. У нас не может быть иначе. Поняла?

Лиз вздохнула и положила голову ему на грудь.

– Хорошо, Майкл, – сказала она, – я не буду больше доводить тебя глупыми разговорами. К тому же откуда ты сейчас можешь знать, как сложится твоя жизнь, если я вдруг умру.

– Лиз! – возмущенно сказал Майкл.

Он отошел от стола и искал глазами куртку. Она валялась в кресле. Майкл надел куртку и взял со стола свою папку.

Лиз ходила следом за ним.

– Майкл, – сказала она, – мы собирались съездить к моей сестре.

– Лиз, я подъеду туда немного позже. Часа через три.

Лиз надула губы.

– Лиз, – мягко сказал Майкл, – мне надо заехать на студию. Еще мне надо довершить некоторые формальности с новой квартирой и машиной. А еще сегодня съезжаются мои родственники, и их надо где-то разместить. У меня много дел сегодня, а завтра их будет еще больше.

– Ну да, – совсем расстроилась Лиз, – может, тогда не будем жениться?

– Не выдумывай, Лиз.

Майкл взял ее за руку и повел за собой к входной двери.

– И давай будем прощаться. Я подъеду прямо к Каталине, поняла?

– Поняла, – грустно сказала Лиз.

Майкл нежно обнял ее и поцеловал. А потом он открыл дверь и вышел на лестничную площадку. Он обернулся и улыбнулся Лиз.

Лиз послала ему воздушный поцелуй и закрыла дверь. А потом она прислонилась к двери, за которой скрылся Майкл, и простояла так несколько долгих мгновений.

Я видел в тот день Майкла. Он заходил в музыкальную студию, которая находится напротив Центрального парка. Через этот парк мы с Эдди ходим на занятия по психологии.

Я не хочу говорить о том, сколько лет мы туда ходим, но могу уверенно сказать, что это нам здорово помогает. Только не подумайте, что мы какие-нибудь там уроды, нет, мы обычные люди.

Просто мы очень не уверены в себе. И чтобы убедиться в том, что мы такие же молодцы, как и все остальные, нам и приходится посещать эти курсы.

И на этих курсах нас в этом очень здорово убеждают. После занятий мы выходим бодрые, уверенные в себе и полные великих начинаний. Нам хочется осветить все небо звездами, написать хорошую музыку и одарить наших женщин цветами.

К концу недели эти желания потихоньку меркнут на тусклом небосводе наших возможностей. И нам приходится опять плестись на наши курсы.

Видимо, эта планета плохо приспособлена для жизни на ней таких слабых людей, как мы с Эдди и нам подобные. И поэтому, специально для нас, большие профессора по психоанализу и самовнушению и создали эти курсы.

А я думаю, что в мире, на самом деле, полно таких людей, как мы. Ведь не для всех же и не каждый день на этом свете радостно сияет солнце, цветут цветы и дует легкий бриз.

И когда я проходил в тот день мимо музыкальной студии, из ее окон лилась просто божественная музыка. А надо сказать, что я частенько проходил как раз под окнами этой студии.

И когда из окон этой студии была слышна музыка, я знал, что эту музыку написал Майкл. И написал он ее потому, что в его жизни была Лиз.

И Лиз мы видели в тот день тоже. Мы с Эдди и не думали, что на нас свалится такое счастье.

Лиз довольно часто приходила в большое здание рядом с оперой. В этом здании на последнем этаже жила многодетная сестра Лиз. Муниципалитет предоставил ей эту квартиру как многодетной матери, и поэтому ее муж теперь мог запросто нигде не работать. Сестре Лиз было нелегко справляться с оравой своих детей, и Лиз всячески ей помогала.

И в тот день Лиз прошла мимо нас с Эдди в ослепительном белом платье. А следом за ней шел носильщик из супермаркета и ташил несколько огромных пакетов с продуктами.

Лиз, наверное, решила обеспечить свою многодетную сестру питанием недели на две и уехать в свой медовый месяц спокойной за ее благополучие.

И произошло в этот день чудо. Лиз прошла мимо нас с Эдди.

А мы остановились как вкопанные и раскрыли рты от счастья. Вот такие мы дураки, видите, как мы плохо справляемся с необычными ситуациями. Нас так и обдало духами Лиз, у нас даже головы закружились.

А Лиз уже прошла мимо, но вдруг она замедлила шаги, обернулась, посмотрела на нас и улыбнулась. У меня до сих пор перехватывает дух, когда я вспоминаю об этом.

Я пришел в себя, когда Лиз уже поднималась по ступенькам своего большого здания.

Ее белое платье мягкими волнами обволакивало ее божественные ноги, длинные каштановые волосы были слегка растрепаны легким ветром. И вся она была ослепительна и прозрачна, как самая несбывшаяся мечта.

И весьма глупо и приземленно смотрелся на ее фоне носильщик из супермаркета со своими огромными пакетами, полными продуктов.

– Ты видел, как она мне улыбнулась? – вдруг сказал дурак Эдди.

Я чуть собственным языком не подавился. Это же надо было додуматься до такой наглости.

А надо сказать, что наш Эдди худ, как щепка, а я, напротив, толстый, как арбуз. Так что кого из нас Лиз заметила первым, совсем нетрудно догадаться.

– Ты что это себе позволяешь? – немедленно набросился я на Эдди.

Но вы бы только видели, как он был горд и высокомерен, он сложил руки на груди, приотпывал ногой и насвистывал что-то веселенькое. Воображаемое счастье так и распирало его, и мне очень нелегко было в тот момент в чем-то его убедить.

Так что мы еще очень долго стояли с Эдди посреди улицы и махали руками, пытаясь втолковать друг другу, кому же из нас все-таки улыбнулась Лиз, а кого она даже и не заметила.

А Лиз тем временем уже давно скрылась за стеклянными дверьми большого здания.

Носильщик еле-еле протащил пакеты в лифт. Лиз всегда любила навешивать на себя проблемы ближних. Чувствовать, что ты кому-то облегчаешь жизнь, это уже в какой-то степени счастье.

Сестра Лиз Каталина открыла входную дверь своей квартиры и сделала большие глаза, увидев Лиз, носильщика и огромные пакеты.

– Лиз! – закричала она. – У меня в холодильник даже половина этого добра не войдет!

– Придется съесть все сразу, – пожала плечами Лиз.

– Ну уж нет, – сказала сестра.

Носильщик занес пакеты в квартиру и, получив от Лиз чаевые, скоренько убрался восвояси.

В коридор высыпали дети. Они похватили из пакетов, кто что увидел, и, шурша конфетными обертками и целлофаном от печений, бросились обратно к своим компьютерам.

– А «спасибо» где? – возмутилась Каталина.

– Спасибо, спасибо, – убегая, поспешно пробормотали те, чьи рты еще не полностью были забиты конфетами.

Из коридора был виден большой диван в гостиной и лежащий на нем с газетой в руках отец семейства.

– Паоло, привет, – сказала ему Лиз, – все городские сплетни изучил?

– Еще нет, – важно ответил Паоло.

– Лиз, оставь его, – сказала Каталина.

– Хорошо, хорошо, Каталина, – сказала Лиз, – но еще пара лет, и тебе придется сдавать его в дурдом вместе с его любимым диваном.

– Лиз, мы, кажется, собирались больше не затрагивать эту тему, – надулась Каталина.

Они понесли пакеты с продуктами на кухню.

– Да, моя дорогая, – сказала по дороге на кухню Лиз, – я забыла, что мне следует послать к черту всю ту ненормальную обстановку, в которой вот уже который год вынуждена погибать моя единственная сестра.

Они с трудом перенесли пакеты.

А надо сказать, что в силу огромности своего семейства сестре Лиз приходилось едва ли не дневать и ночевать на кухне. И кухня была для этого неплохо приспособлена. Здесь были и телевизор, и телефон, большое зеркало, кресла и два дивана.

– И ты вовсе не для такой жизни вся такая возвышенная и воздушная десять лет назад выходила замуж за этого недотепу, – продолжила на кухне Лиз.

– Ладно, Лиз, хватит про меня, как Майкл поживает? – окончательно решила уйти от темы Каталина.

Каталина стала вытаскивать из пакетов продукты и складывать их на стол. Ей было приятно, что у нее есть такая заботливая младшая сестра.

Лиз и Каталина были мало похожи друг на друга. Каталина со стороны напоминала скорее тетю, чем старшую сестру Лиз. Слегка растрепанная прическа делала ее мягкой и домашней, и до взбалмошности и непредсказуемости Лиз ей было очень далеко.

Некоторые продукты Каталина откладывала сразу в холодильник. И теперь она, очевидно, будет ждать особого торжества, чтобы вот так, будь здоров, подать их на стол.

Лиз тем временем подошла к окну. Каталина жила на самом верхнем этаже, и из ее окна была видна почти половина города. Теплое солнце освещало крыши домов, а улицы утопали в буйной молодой зелени.

Но Лиз почему-то обратила внимание только на то, что где-то там, далеко внизу, стоят два маленьких человечка и, о чем-то яростно споря, смешно машут руками друг на друга.

Кажется, Лиз где-то уже видела этих молодых людей, но стоять здесь и вспоминать, где и когда она их видела, ей было просто некогда. Ей надо было спешить жить дальше.

– Майкл поживает нормально, – ответила Лиз Каталине, – он заедет за мной чуть позже.

– Он уже выбросил свой мотоцикл, как обещал? – поинтересовалась Каталина.

– Еще нет, – сказала Лиз.

Она отошла от окна.

– Как нет? – возмутилась Каталина. – Да как он может возить тебя на этой рухляди, и ты еще при этом ругаешь моего Паоло, который никогда, слышишь, никогда не подвергал меня такой опасности.

– Кати, успокойся, Майкл завтра его продает, и сегодня мы едем на нем в последний раз. Каталина стала накрывать на стол.

– Наконец-то, – сказала она, – а чем вы собираетесь заниматься завтра?

– Завтра мы будем очень заняты, у нас еще много дел перед свадьбой.

– А как насчет общепринятых холостяцких вечеринок?

– Ты же знаешь, что мы с Майклом мало следуем общепринятым традициям.

– О да, вы с Майклом всегда избирали в этой жизни только свой собственный неповторимый путь.

– Но, согласись, – улыбнулась Лиз, – что этот путь всегда выглядел несколько заманчивее, чем проторенные дороги.

– Да, и лет десять назад я была еще полностью с тобой согласна, – сказала Каталина.

Лиз села на стул.

– И что же произошло с тобой за эти последние десять лет? – спросила Лиз.

Хотя она и так прекрасно знала ответ на этот вопрос.

– Да ничего особенного, – пожала плечами Каталина, – просто меня целиком и полностью съел мой быт. Но только это уже тема для другого разговора, – добавила она, – и мы, пожалуй, продолжим ее как-нибудь в другой раз.

– Сомневаюсь, что наши разговоры хоть чем-то тебе помогут.

– Ну что ты, Лиз, – улыбнулась Каталина, – они здорово утешают меня морально.

Каталина разогрела полуфабрикаты и расставляла на столе всевозможные салаты и закуски. Глядя на весь этот пир, можно было подумать, что она ждет сегодня к обеду добрую половину города.

– Кстати, – сказала Лиз, – сегодня у меня последнее выступление.

– Ты увольняешься? – Да.

– Наконец-то, – обрадовалась Каталина, – Майкл счастлив?

– Он в панике.

– Но почему? – удивилась Каталина.

– Потому что я перехожу в другое, более доходное место.

– А что ты там будешь делать? – с интересом спросила Каталина.

– То же самое, – пожала плечами Лиз, – всего лишь танцевать.

– А почему там за это будут больше платить?

– Потому что там надо будет немного больше танцевать.

– Немного больше, это насколько?

– Там мне придется танцевать практически всю ночь.

– Что? – Каталина чуть дар речи не потеряла. – Ты что, собираешься испустить дух на сцене? Что говорит Майкл?

– Он против, но я не хочу больше продолжать эту тему.

– Но, Лиз... – начала Каталина.

– Кати, помолчи, – сказала Лиз, – и потом, я должна помочь Майклу, ты знаешь, сколько он еще должен денег за нашу новую квартиру?

– Когда вы туда переезжаете?

– После медового месяца, но он уже отвез туда свой рояль.

– Да ну! А сколько вы пробудете на побережье?

– Недели две, не больше, в городе столько дел.

– Успеете еще насмотреться на этот прокуренный город.

– Кати, – пожала плечами Лиз, – ты же прекрасно знаешь, что наши мечты редко совпадают с реальностью, хорошо еще, что хоть на пару недель мы можем отсюда смотаться. К тому же я еще не сказала Майклу, что у меня уже подписан контракт и через две недели я выхожу на работу.

– Ненормальная... – застыла Каталина. – Ты уже контракт подписала?

– Кати, я подписала самый лучший в мире контракт. Я подписала его на год, но меня сразу отпустят, если я забеременею, да к тому же выплатят всю причитающуюся сумму.

– Лиз, – еще больше расстроилась Каталина, – но вдруг ты не забеременеешь?

– Тогда мне придется танцевать весь год, с вечера до утра, – вздохнула Лиз.

– Ты не выдержишь.

– Не знаю.

– А Майклу когда скажешь?

– По крайней мере, до свадьбы не скажу.

– Лиз, – вспомнила Каталина, – но неужели тебя не просят там хотя бы частично раздеваться?

– Ну, во-первых, меня сразу же за это убьет Майкл, а во-вторых, я сама на это никогда не соглашусь. Я тебе уже объясняла, что мои танцы – это искусство ради искусства, мне не нужно еще чем-либо привлекать к себе внимание.

– Да, но зачем это все нужно ночным клубам?

– Не знаю, – пожала плечами Лиз, – наверное, для того, чтобы хоть как-то поддержать культурный уровень своих изрядно подвыпивших посетителей. Словом, не знаю, зачем все это нужно ночным клубам, но пусть это продолжается как можно дольше. Где я еще найду такую высокооплачиваемую работу?

– Лиз, а твои обмороки?

– Отстань, мы уже обсуждали это сегодня с Майклом, никто не знает, отчего они у меня.

– И когда ты собираешься этим всерьез заняться?

– Когда уйду в декретный отпуск, – беззаботно ответила Лиз.

– Как у тебя все просто, – покачала головой Каталина.

– Кати, – улыбнулась Лиз, – я прекрасно понимаю, что просто так никогда ничего не бывает, но я люблю Майкла, я очень его люблю.

– И именно поэтому у вас все должно получиться?

– Да, именно поэтому.

– А ты уже сказала Майклу, что очень его любишь?

– Пока нет.

– До сих пор не сказала? – удивилась Каталина.

– У меня язык не поворачивается.

Они уже почти закончили накрывать на стол, и теперь могли просто посидеть и поговорить.

– Хочешь, я ему скажу? – предложила Каталина.

– Не вздумай.

– А на свадьбе скажешь?

Лиз немного подумала и кивнула.

– Да, на свадьбе скажу, – сказала она.

– Вы так долго вместе, – не отставала Каталина, – а ты не сказала ему самого главного?

– Но нам вполне хватает и того, что он сам мне довольно часто в этом признается.

– Может, он думает, что ты его не любишь? – предположила Каталина.

– Сильно сомневаюсь.

– А про твою теорию он знает?

– Какую именно теорию? – поинтересовалась Лиз, – у меня их множество, на все случаи жизни.

– Теорию о том, что никакой любви нет.

– Ах, ты об этом, да, я что-то про это ему говорила.

– И каково его мнение?

– Кати, ты, наверное, несколько неверно воспринимаешь эту мою теорию, она не о том, что любви нет, а о том, что все взаимозаменяемо.

– Как это?

– А так. Вот, например, я сейчас живу в этом городе и встретила здесь Майкла, и безумно счастлива, и собираюсь прожить с ним до ста лет, и родить ему много детей, и никогда не изменять. И, видит бог, я так и поступлю, если только звезды не повернутся вспять и Майкл сам не бросит меня.

– Ну уж этого не случится точно, – уверенно сказала Каталина.

– Откуда ты можешь знать, не перебивай меня. Так вот, моя теория. А если бы я не жила именно в этом городе, а жила где-нибудь в другом месте, и Майкла там не было бы и в помине, то мы бы с ним никогда не встретились. Но любовь все равно пришла бы в мою жизнь. Она пришла бы ко мне в образе другого человека. И я любила бы этого человека, и была бы счастлива, и даже и не подозревала, что в этом мире где-то живет Майкл...

И в это время на кухню зашел Паоло.

На Паоло были помятые от бесконечного безделья брюки и чистая белоснежная рубашка, потому что его жена тщательно следила за ним. Кудрявые черные волосы Паоло возмущенно торчали во все стороны, потому что они тоже были очень недовольны всем происходящим.

Паоло стал брать со стола продукты и долго и смачно делать себе преогромный бутерброд.

Разумеется, он делал это намеренно, чтобы показать, как он зверски проголодался там, на своем диване. А еда на кухне сегодня вряд ли будет готова за всеми этими разговорами, цель которых – выпроводить его из дома куда подальше, на работу.

Каталина стала просить своего дорогого мужа не перегружать так сильно желудок и убеждать, что вот уже минут через пять его позовут к столу. Но Паоло не обратил на жену никакого внимания. Он взял свой большой бутерброд, гордо развернулся и неторопливо вышел из кухни.

Лиз и Каталина проводили его взглядами.

– Так вот, Кати, если следовать этой моей теории, – невозмутимо продолжила Лиз, – судьба наверняка приготовила тебе где-то в другом месте кого-нибудь получше твоего милого Паоло, да только ты никогда об этом не узнаешь.

– Пусть будет так, как есть, – сказала Каталина.

На кухню стали подтягиваться один за другим все пятеро детей Каталины. Они увидели у папочки роскошный бутерброд, которым он не был намерен делиться, и чувство голода взяло верх над ними, заставив оторваться от компьютеров.

И тут раздался звонок в дверь.

Лиз вскочила со стула и выбежала в коридор. Но опередить темпераментного Паоло она все равно не успела.

Паоло уже невозмутимо поворачивал то один, то другой замок и не забывал при этом надкусывать свой бутерброд. Он был в этом доме хозяин и потому делал то, что хотел.

Хотя никого, кроме Майкла, они не ждали, а уж своему Майклу Лиз прекрасно могла бы открыть и сама.

Паоло наконец-то открыл дверь, и Лиз, встав на цыпочки за его спиной, увидела, что на пороге действительно стоит Майкл. Майкл улыбнулся и протянул руку Паоло.

– Здравствуй, Паоло, – сказал Майкл.

– О, здравствуй, Майкл, – важно сказал Паоло.

И они вежливо пожали друг другу руки.

Но у Лиз уже не было сил ждать, пока Паоло и Майкл насочиняют друг другу каких-нибудь любезностей. И она отпихнула Паоло и повисла у Майкла на шее.

– Привет, Майкл, – сказала Лиз.

– Привет, Лиз, – сказал Майкл.

И он легко подхватил Лиз на руки, и они забыли обо всем на свете.

Паоло и не думал далеко уходить. Он устроился тут же в коридоре и сложил руки на груди.

– Вы давно не виделись? – спросил Паоло.

Но на него уже можно было не обращать внимания.

Из кухни вышла Каталина.

– Майкл, заходи же в комнату, – сказала она.

– Не мешай ребятам, они давно не виделись, – ответил ей Паоло.

Но надо было подумать о детях, в коридоре уже слышались их восторженные шаги. Лиз пришлось спускаться на землю, и она отошла от Майкла.

– Каталина, мы не останемся на ужин, – сказал Майкл, – у нас другие планы.

Это было что-то новое, и Лиз об этом еще ничего не слышала. Она удивленно посмотрела на Майкла.

– Как же, Майкл, – запричитала, как и полагалось в таких случаях, Каталина, – а кому же мы старались, все готовили?

– Мамочка, мы все съедем, ты только не волнуйся, – стали утешать ее пятеро детей.

– Спасибо, но нам некогда, – сказал Майкл. – Ты готова? – повернулся он к Лиз.

– Сейчас.

Лиз пошла на кухню за своей сумкой.

Уходя, она слышала, как Паоло спрашивал Майкла, когда они доиграют начатые партии в карты. Паоло с большим счетом вел, и ему не терпелось слупить с Майкла довольно приличную сумму на всякие мелкие расходы.

– Только после медового месяца, Паоло, – обломал все его надежды Майкл.

Лиз подошла к Каталине, обняла ее и сказала:

– На верхней полке в шкафу я оставила немного денег, купи что-нибудь детям, крепко всех целую, ваша Лиз.

– Лиз, когда только ты успела, я же все время за тобой наблюдала, – расстроилась Каталина.

Но Лиз ее уже не слушала.

– Дети, до свидания, – сказала она детям, – слушайте маму. Паоло, до свидания, – сказала она Паоло, – увидимся на моей свадьбе.

Майкл тоже горячо со всеми распрощался, и они с Лиз вышли из квартиры. Паоло закрыл за ними дверь, и еще долго было слышно, как он гремит там своими замочками и цепочками.

– Майкл, – сказала Лиз, когда они остались одни, – ну и куда же мы идем?

– Ты знаешь, Лиз, – сказал Майкл, – вообще-то я ничего интересного не придумал. Просто я хотел побыть с тобой вдвоем.

Лиз улыбнулась.

– Я согласна, – сказала она, – и где же мы будем с тобой вдвоем?

– Ну, – задумался Майкл, – в ресторане мы вполне могли побыть с тобой наедине.

– В ресторане, наедине?

– Какая разница, Лиз.

– Я это знаю, Майкл.

– Тогда идем.

И Майкл взял Лиз за руку.

– Но я же не могу ничего есть, – вспомнила Лиз, – у меня – выступление.

– А мы возьмем тебе легкие, но калорийные напитки.

– Ну да, – расстроилась Лиз, – идти в ресторан и ничего там не есть?

Майкл рассмеялся и вызвал лифт.

Они вышли из здания, когда небо уже было покрыто розовым отсветом собравшегося на покой летнего солнца.

Мотоцикл Майкла стоял тут же, и на его сиденье был заботливо прикреплен штрафной талон за парковку в неполюженном месте. Лиз взяла талон и положила его в сумочку.

Они сели на мотоцикл и поехали в ресторан.

Майкл выбрал самый дорогой ресторан, Лиз в нем еще не была. Они с трудом отыскивали на стоянке свободное место для мотоцикла.

Кругом стояли важные машины, которые блестели на заходящем солнце чуть ли не позолотой. Но рядом с местом для мотоцикла, прямо на земле, была нарисована инвалидная коляска, и Лиз это очень удивило.

Когда они входили в ресторан, Лиз сняла сумочку, которую она обычно носила через плечо, и просто взяла ее в руки, так было солиднее. Метрдотель проводил их к свободному столику.

Вокруг все сияло и переливалось. Разноцветные люстры свисали до самых столиков, публика была весела и довольна собой, а оркестр играл что-то совсем недурное.

Официант узнал Лиз. Он сказал, что он большой ее поклонник. Лиз стало неловко, она не очень-то сильно гордилась тем, что весь ее талант гибнет в этих ночных клубах.

А назойливый официант немного подумал и сказал, что они все тут, официанты и другие работники, все очень большие поклонники ее таланта.

– Не хватает того, – шепнул Майкл, – чтобы они дружно толпой выстроились у столика в очередь за автографами.

Лиз улыбнулась официанту и сделала вид, что ей очень приятно.

Майкл сел напротив Лиз и улыбнулся. Лиз подумала о том, что счастье в жизни у нее уже есть, а на все остальное можно теперь просто не обращать никакого внимания.

Майкл заказал бифштекс, а Лиз – легкий салат и молочный коктейль, ничего другого она не могла себе позволить.

– Все хорошо? – спросил Майкл.

– Все хорошо, – сказала Лиз.

– Как твои дела? – спросил Майкл, как будто не видел ее целую неделю.

– Нормально, а у тебя?

– Тоже нормально. Я отпустил ребят из студии, они неплохо играют.

– Твою мелодию?

– Не скажу, – улыбнулся Майкл.

Лиз взяла лист салата и запустила его в Майкла. На них посмотрели из-за соседнего столика.

– Ты написал мне письмо? – спросила Лиз.

– Написал, – сказал Майкл.

– Да ты что, – обрадовалась Лиз, – где оно, давай.

Она протянула руку.

– Лиз, я отправил его по почте.

– Ты издеваешься? – расстроилась Лиз.

– Нет, Лиз. И ты очень скоро его получишь.

– Как же я его получу, – возмутилась Лиз, – если нас не будет в городе?

Майкл улыбнулся.

– Я отправил его в гостиницу, на номер, который мы с тобой забронировали.

– Но я не могу так долго ждать. Только ты мог до такого додуматься, – возмущенно сказала Лиз.

– Начнем с того, что это только ты могла додуматься до того, чтобы заставляя писать тебе письма человека, который и так ежесекундно с тобой.

– Во-первых, ты со мной находишься вовсе не ежесекундно, как мне того бы очень хотелось, а во-вторых, мне же интересно будет перечитывать все твои письма в старости и вспоминать, как ты меня любил.

– Я и в старости буду тебя любить, – тут же пообещал Майкл.

– Даже если я буду спотыкаться и падать через собственную палку, теряя на ходу вставную челюсть? – уточнила Лиз.

– Конечно, – пообещал Майкл, – но только не забывай, что это будет лет через сто пятьдесят.

– Не будь таким наивным, Майкл, это будет завтра.

Майкл рассмеялся.

– Лиз, – сказал он.

– Только не вздумай признаваться мне в любви, – перебила его Лиз, – в ресторане, у всех на виду, подумай, Майкл, как это неприлично.

– Тогда я тебя просто поцелую.

– Майкл, уж лучше бы ты мне в любви шепотом признался.

Майкл привстал.

– Помогай, – сказал он, – пока я стол не перевернул.

Лиз улыбнулась, но привстала тоже. Майкл наклонился к ней и осторожно ее поцеловал.

За ближайшими столиками посмотрели на них с удивлением.

– Ты доволен? – садясь, спросила Лиз.

– Я бесконечно счастлив, – ответил Майкл.

Когда Майкл пригласил Лиз на танец, официанты не сводили с нее влюбленных глаз. Да и многие в зале обращали на Лиз свое внимание.

Слишком уж утонченной и изысканной она была среди этой изрядно захмелевшей публики, которая не в такт оркестру топала ногами.

Майкл тоже неплохо танцевал, он тонко чувствовал свою Лиз. В его сильных и надежных руках она была податлива и мягка, как строптивая морская волна, усмиренная нежностью прибрежных скал.

Майкл и Лиз вышли из ресторана, когда небо уже давно было покрыто огромными звездами, а воздух был особенно чист и прозрачен. И это было заметно даже сквозь ночную тьму.

Майкл был счастлив от того, что он везет Лиз на ее последнее выступление. Он мечтал уговорить ее найти какую-нибудь другую работу, не связанную с ночными клубами. Он не знал, что Лиз уже подписала новый и такой тяжелый контракт.

Но Лиз хотела пойти на риск. Ведь она могла получить всю сумму, причитающуюся ей за год, всего лишь после нескольких выступлений.

Николая, владелец клуба, тоже был рискованный парень, и ему надо было как-то заманить такую превосходную танцовщицу в свой клуб. Поэтому он и придумал этот своеобразный контракт.

Майкл сел на мотоцикл. Лиз села позади Майкла и крепко обняла его. Она положила голову ему на плечо, ей было спокойно, уютно и надежно.

Майкл завел мотоцикл, и они поехали. Времени оставалось не так много, в двенадцать ночи Лиз должна была начать свое последнее выступление.

Правда, выступала она не одна. Еще две девушки должны были являть за ее спиной жалкие серебристые тени, разбросанные по стенам и столикам клуба такими прекрасными танцами Лиз.

Но гвоздем выступлений была, конечно, Лиз, и многие посетители приходили в клуб только из-за нее, и это были не те конченные люди, что обычно мотаются по таким сомнительным заведениям. Это был чуть ли не цвет города.

Во всяком случае, немало толстосумов приходило потешить себя несбыточными мечтами, глаза на Лиз и лоснясь от удовольствия. Лиз выступала через день, и именно в эти дни доход клуба увеличивался почти вдвое.

Майкл и Лиз проехали по центральной улице и выехали на Большой мост. На мосту было холодно, дыхание реки леденило ночной воздух.

Как только Майкл и Лиз заехали на мост, их стал обгонять мощный ярко-красный мотоцикл, на котором сидел человек в черном шлеме и черной кожаной куртке. Лиз удивленно посмотрела на него, и ее внимание привлек номер этого мотоцикла.

Цифры на нем соответствовали году рождения Лиз, а буквы – ее имени.

Лиз это очень поразило, и долгое время в ее сознании был отчетливо запечатлен только лишь этот номер. Потому что то, что произошло дальше, произошло как бы вовсе не с Лиз, а с кем-то другим, и даже не в жизни, а в замедленном кино.

Тяжелый ярко-красный мотоцикл уже почти обогнал Майкла и Лиз, но вдруг его повело куда-то в сторону, и он стал крениться набок. На такой большой скорости, на которой он ехал, его, как на льду, стало заносить на ту часть дороги, по которой ехали Майкл и Лиз.

Красный мотоцикл уже лежал на боку, когда его вынесло под колеса мотоцикла с Майклом и Лиз. Выражение «броситься под ноги» тут подошло бы больше всего.

Но Майкл и Лиз не сразу перевернулись, столкнувшись с красным мотоциклом, а со страшной силой проскользнув по его бензобаку, взлетели высоко в воздух.

И тут в воздухе Майкл сделал то, чего еще никто и никогда не делал и никто и никогда не сделает. Он резко бросил руль, развернулся на лету к Лиз и крепко ее обнял.

Особенно он постарался обхватить ее голову. И именно поэтому голова Лиз пострадала меньше всего.

И когда прибыла медицинская машина, врачи констатировали у Майкла мгновенную смерть. Он умер сразу же, как только его тело коснулось асфальта.

А вот за жизнь Лиз еще можно было побороться.

Но все дело в том, что это еще не конец моей истории, а только ее начало. И если вы хотите услышать ее до конца, то я налью вам еще мартини, а то вы все уже выпили. Но если вы думаете, что я оставлю хоть какой-то шанс Майклу и Лиз, то вы глубоко ошибаетесь. Майкл действительно умер, и много классных девчонок до сих пор носят ему цветы.

Так что Лиз теперь осталась одна в ответе за их любовь.

Часть 2

Когда мы с Эдди узнали о том, что произошло, мы чуть не умерли от горя. Я помню, что мы с ним недели две лежали на кроватях без движения. Каждый в своей квартире, разумеется.

И наши преподаватели с курсов по психологии ходили к нам прямо на дом. Ведь нас надо было как-то вернуть к жизни и поддержать в нас уверенность в себе.

И ребята с наших курсов тоже приходили к нам в гости. Они приносили нам апельсиновый сок и рассказывали, кто какие добрые дела сегодня совершил. Это должно было нас с Эдди как-то поддержать.

И солнце все так же каждый день вставало, а вечером садилось. И небо было то голубым, то серым. И дождь иногда шел, а иногда не шел.

И горы были все так же видны, если встать лицом на северо-запад. А побережье по-прежнему все так же было в трех часах езды от города, никуда его не унесло, я уверен в этом.

Но только мы с Эдди все равно с большим трудом приходили в себя. Ведь если в жизни таких людей, как Майкл и Лиз, так запросто могло такое произойти, то что говорить о нас, никому не нужных идиотах.

Но я, конечно же, страдал гораздо больше Эдди. Разве может понять он, худой бедняк, что Лиз и Майкл – это олицетворение счастья, вечности, любви и доброты.

И как трудно находить в себе силы для дальнейшего беззаботного существования, если жизнь сама вот так запросто расправляется со своими идеалами.

Но моя жизнь все равно потихоньку брала свое. И недели через две я уже застал себя стоящим у окна и смотрящим вдаль.

Из моего окна тоже видны горы, их белые вершины ослепительно сияют в солнечные дни. И эти вершины так же божественны, недосыгаемы и великолепны, как белые платья Лиз, морские волны и далекие облака.

Добрые дела, дальние страны и хорошие люди – все это манило и улыбалось мне где-то там, у горизонта. Но только для того, чтобы дойти туда и протянуть им навстречу руки, мне надо было приложить невероятные усилия и проявить большую волю к жизни.

– Все в ваших руках, – учили нас на курсах по психологии, – и если вы видите где-то вдали ваше счастье, то только от вас самих зависит, проберетесь ли вы к нему сквозь колючий терновник или вас наповал сразят неудачи ваших близких, и вы остановитесь посреди пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.